

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-151-158

УДК 821.161.1

ИГРА КАК СПОСОБ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИРА В ПОЭЗИИ А.Н. ВЕРТИНСКОГО

Е.Н. Брызгалова

Тверской государственный университет
Российская Федерация, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33

В статье рассматривается репрезентация игрового начала в поэзии А.Н. Вертинского. Основное внимание уделено изучению пространственно-временных отношений в стихах разных лет. Соединение прошлого, настоящего и будущего в рамках одного стихотворения позволяет создать образ героя, охарактеризовать его личность, показать, как сложится его жизнь. Сон и реальность в творчестве поэта образуют единый мир, постоянно пересекаясь в жизни и судьбе героя. Происходящие и приснившиеся события воспринимаются как равноценные.

Ключевые слова: стихотворение, А.Н. Вертинский, игра, время, пространство, художественный мир

А.Н. Вертинский был уверен, что по прошествии времени его творчество извлекают «из подвалов забвения» и начнут в нем «копаться» [5. С. 410]. Действительно, к сегодняшнему дню о творчестве поэта написано немало. Кроме биографических исследований [1; 2; 4; 12], в последние годы сложилась определенная научная традиция: появились диссертации [7; 10; 11; 15], монографии [например, 9], статьи [например, 13].

В то же время исследование еще далеко от завершения, поскольку, как и всякое большое явление в искусстве, поэзия А. Вертинского ставит перед ученым больше вопросов, чем дает ответы на них. Одной из таких неизученных проблем, на взгляд автора, является система взаимодействующих между собой мотивов, во многом формирующая совершенно неповторимую художественную реальность, в которой живут герои Вертинского и в которую погружается читатель, обращаясь к его творчеству.

Отметим, что все исследователи пишут о синтезе как основной черте его уникальности. В каждой работе так или иначе говорится о необходимости при изучении учитывать не только текст стихотворений, но и всю совокупность факторов, включающую и музыку, и исполнительскую манеру, жесты, и сценический образ и пр. В некоторых работах можно прочесть, что в его произведениях «текст отодвигается на задний план» [2. С. 86], некоторые называют его стихи «банальными» и даже «примитивными» [14], поскольку в них «слабые строки и тексты» [1. С. 205]. Макаров А.С. пишет: «Быть может, напечатанные на журнальной странице эти стихи тотчас обнаружили бы свою несамостоятельность и вторичность» [12. С. 46].

И только благодаря исполнительскому мастерству и музыкальному сопровождению текст обретает глубину и даже уникальность: Вертинский «никогда не имел плохих песен» [1. С. 205]. Сегодня А. Вертинского справедливо считают одним из основателей такого явления, как бардовская песня [10], и одним из родоначальников особого синтетического жанра стихо-песни [3. С. 14].

Не будем умалять роли музыки, сценического образа и исполнительского мастерства Вертинского, но хотелось бы обратить внимание на собственно поэзию мастера. По глубокому убеждению автора статьи, его стихи имеют высокую эстетическую ценность и заслуживают самостоятельного изучения. Сам Вертинский причислял себя не столько к «артистической среде», сколько к «литературной богеме» и считал себя прежде всего поэтом: «К своему творчеству я подхожу не с точки зрения артиста, а с точки зрения поэта» [5. С. 585].

Вертинский-поэт создал неповторимый и уникальный художественный мир, напрямую связанный с культурой Серебряного века (о связи творчества поэта с эстетикой эпохи см. работы [7—9]). Этот мир реален, осязаем, поскольку наполнен деталями и подробностями, позволяющими читателю *увидеть* происходящее. Он по-житейски понятен и узнаваем. Но при этом все может мгновенно измениться: ясная и четкая картинка вдруг рассеивается, и на первый план выходят грезы, сны, иная реальность, которая предстает перед читателем в неопределенных и смутных образах. В авторском понимании, *вещное* и *иное* не противопоставлены друг другу, а составляют единое целое. Это две стороны, два лика одной картины, не существующие друг без друга и взаимодополняющие общее изображение. Именно в этом, в такой трактовке окружающего и состоит, на взгляд автора, одна из основных особенностей художественного мира поэзии А.Н. Вертинского.

Как известно, одним из основных в эстетике Серебряного века было осознание игры как характерной черты эпохи. Эта особенность, многократно и уникально реализованная в творчестве всех (или по крайней мере большинства) художников (в самом широком смысле этого слова) того времени, была присуща и Вертинскому. Игра в его стихах обретает самые различные формы и виды. Можно сказать, что мотив игры объединяет все созданное им — это подтверждается в том числе и театральностью исполнения автором своих «ариевок» и «песенок». Каждая рассказанная история сюжетна и разыгрывается перед читателем/зрителем.

В связи с этим вполне закономерно встает вопрос о пространственно-временной организации рассказываемой истории. Как правило, все происходит здесь и сейчас, но при этом почти всегда упоминается прошлое и прогнозируется будущее. Таким образом, временной план расширяется, личность героя вырисовывается более детально, он обретает большую индивидуальность. В стихотворении «Бар-девочка» (1938) именно упоминаемое прошлое объясняет многое в характере героини: «Вы мне мстите за Ваше бедное прошлое — // Без любви, без семьи и без юности даже» [6].

Прошлое, настоящее и будущее присутствуют как бы одновременно и одновременно в *вещном* и *ином* мирах. Попытаемся понять, как автору удастся это сделать. В каждой истории есть опорный образ — какая-либо деталь, на которой выстраивается игровое пространство: в «Бар-девочке» — кукла (на нее похожа

героиня), а потом, в будущем, — «сломанная кукла»: «А потом, а потом на кладбище китайское, // Наряженная в тихое белое платье, // Вот в такое же утро весеннее, майское // Колесница с поломанной куклой покатится» [6]. В стихотворении «Бал Господен» (1917) таким опорным образом становится платье, которое героине однажды привезли из Парижа и которое так и провисело в шкафу до ее похорон. Обычный, даже обыденный предмет позволяет рассказать обо всей ее жизни: от детства («В пыльный маленький город, где Вы жили // ребенком...» [6]) и до финала («И какие-то люди, за Вами пришедшие, // В катафалке по городу Вас повезли» [6]). Платье становится символом несбывшихся мечтаний о жизни, несбывшихся надежд. Наверное, поэтому при первом же упоминании оно названо «печальным». Туалет оказывается предметом, принадлежащим и к миру грез, и к миру реальности, а вернее, обыденности, в которой прошла вся жизнь женщины. Диссонанс между ожидаемым («Вы вечно мечтали...») и реальным («в этом городе сонном...») окрашивает мечту в трагические тона: «горящий», т.е. освещенный, залитый светом Версаль из ее грез воспринимается как нечто безжизненное (может быть, потому, что изображение не сопровождается никакими звуками). Отсюда и «мертвый принц», с которым она «танцует менуэт» [6].

Несмотря на протяженность во времени («шли года» [6]), история именно разыгрывается, а не проживается. Об этом свидетельствуют уменьшительные формы слов в финальной строфе, которые, казалось бы, неуместны в описываемом контексте похорон: «На слепых лошадях колыхались // *плюмажики*. // Старый *попик* любезно кадиллом махал... // Так весной в бутафорском смешном // *экипажке* // Вы поехали к Богу на бал» [6] (здесь и далее курсивом выделено мной — Е.Б.). Сочетание уменьшительных форм со словом «смешной» противоречит «слепым лошадям», подчеркивающим трагизм происходящего. Все вместе создает ощущение чего-то страшного и вместе с тем нереального. Подобный эмоциональный настрой, истоком которого становится сочетание уменьшительно-ласковых форм слов с трагическим смыслом текста, актуализирует игровое начало.

В «Безноженьке» (1916) уже в названии употреблена уменьшительно-ласкательная форма слова, которая явно противоречит смыслу рассказа о бездомной девочке-калеке («крошка-малютка безногая» [6]), просящей у Бога «ноги приклеить во сне» [6]. Кроме того, три раза повторяется слово «боженька» и по одному — «могилки» и «дороженька». Как это ни парадоксально, уменьшительно-ласкательные формы слов в стихах Вертинского становятся в один ряд с трагическим (а отчасти и ужасным, как в «Безноженьке») смыслом текста и не противоречат друг другу. В «Кокаинетке» (1916) «деточка», «горжеточка», «трупик» сопровождают историю юной девушки, погибающей от наркотического дурмана.

То же самое можно сказать и еще о целом ряде произведений А.Н. Вертинского. В стихотворении «Ваши пальцы пахнут ладаном» (1916) службу ведет «дьякон *седенький*» [6], единственная портретная деталь — «бородка *реденькая*» [6] — и при этом обыгрывается ситуация похоронного обряда отпевания. Использование подобных языковых средств, на взгляд автора, переводит изображение в игровое поле, что подтверждается еще и тем, что отпевание происходит не в реальности, а подается, как возможный жизненный сценарий.

Еще раз подчеркнем, что у Вертинского *иное* (не произошедшее в данный момент, или происходящее во сне, или то, что когда-нибудь произойдет) и реальность создают единое пространство, для которого характерно смешение прошлого, настоящего (сиюминутного) и будущего времени. Поэтому невозможно их четкое разграничение, как и в стихотворении «Ваши пальцы...». В нем даже настоящее время как бы расслаивается, характеризуя разные реалии. Начало: «Ваши пальцы пахнут ладаном, // А в ресницах спит печаль» [6], — предполагает развитие действия в данный момент. Это происходит «здесь и сейчас», история начинается, в ней участвуют двое: герой обращается к героине. Следующие две строки («Ничего теперь не надо нам, // Никого теперь не жаль» [6]), благодаря слову «теперь», повторенному дважды, дают читателю другое настоящее время в другой реальности с другими действующими лицами. А если учесть, что вся строфа полностью повторяется в финале, то получается, что ее смысл концептуален. Некие «мы» отстранены во времени и пространстве от того, что намечено в первых двух строках. Таким образом, созданы два пласта с собственной пространственно-временной организацией, причем они удалены друг от друга: «теперь» — это не тогда и не там, когда и где герой разговаривал с героиней.

Вторая и третья строфы, с точки зрения обозначенной в начале стихотворения ситуации, находятся в сложных взаимоотношениях, поскольку соотносятся с разными пространственно-временными пластами. Вторая строфа — будущее время по отношению к героине: «И когда Весенней Вестницей // Вы *пойдете* в синий край, // Сам Господь по белой лестнице // *Поведет* Вас в светлый рай» [6]. Это произойдет когда-нибудь (каждый человек когда-нибудь умрет — непреложный закон жизни). А вот третья строфа преподносит читателю смерть как уже нечто произошедшее, случившееся, поскольку в ней показана заупокойная служба — отпевание: «Тихо шепчет дьякон седенький, // За поклоном бьет поклон // И метет бородкой реденькой // Вековую пыль с икон» [6]. Таким образом, сначала лирический герой подмечает приметы смерти в облике героини (запах ладана и печаль в глазах), потом предсказывает то, что произойдет в будущем, и завершает тем, что уже свершилось. И это обрамлено взглядом из далекого будущего, в котором все уже пережито и утрачено. Время то растягивается, то сжимается и одновременно пересекается с пространством в разных точках.

Сон как связующее звено в игровом пространстве стихов Вертинского становится одним из проявлений реальности и ее неотъемлемой характеристикой. При этом оттенок иллюзорности доминирует, потому что граница между сном и явью, между *вещным* и *иным* становится предельно зыбкой. Сон как объяснение этой неопределенности переводит изображение в пространство, отличное от обыденного, как, например, в стихотворении «В синем и далеком океане» (1927). Здесь переход из одной реальности в другую обозначен строкой: «Вы усните, а я Вам спою» [6]. Песня, сопровождающая сон, с точки зрения смысла, ужасна: «мертвые седые корабли», «где-то затонувшие давно», плывут «в сиреневом тумане» [6]. В финале слышатся «страшные и бессильные» проклятья «слепых капитанов» «солнцу наступающего дня» [6]. Но, несмотря на страшный смысл, трагическое ощущение не довлеет над читателем.

Логически можно было бы предположить, что вариации на тему смерти, представленные в стихах, должны были бы либо породить насмешку и выразить ироническое отношение поэта, скажем, к любителям подобных историй, либо усилить трагическое звучание стихотворения и привести к полной беспросветности и безысходности. Безногий ребенок, взывающий к Богу; бал в «горящем» [6], но безмолвном Версале, напоминающий бал сатаны; мертвецы, ведущие корабли, исчезающие с восходом солнца, — список можно продолжать. Но, как это ни парадоксально, ни один из этих путей — ни насмешка, ни ужас — не соотносимы с поэзией Вертинского. Трагическое начало присуще его стихотворениям, но, скорее, как одно из проявлений мироощущения эпохи, как одна из характеристик настроений людей того времени, и не более того. Это игра — то, чего «не бывает на свете», по выражению З. Гиппиус. Поэтому читатель и не ужасается, слушая страшные истории, хотя и сочувствует их участникам.

Сон может вернуть героев в прошлое, заставить вспомнить давно прошедшее («Это прошлого сладкий дурман» [6]) и оценить заново пережитое («Этой-то жестокий обман» [6]), как, например, в стихотворении «Дансинг-гёрл» (1927). В другом стихотворении прошлое ушло навсегда: «То, что было прежде, умерло давно» [6] («Поздняя встреча», 1928). Прошлое часто ассоциируется со сновидением и воспринимается как нечто, принадлежащее то ли к реальности, то ли к иному миру: «И каждый вечер тот же сон Вам снится — // О чем-то давешнем, небывшем и былом» [6] («Танцовщица», 1934). Как видим, «небывшее», т.е. никогда не происходившее, и «былое», т.е. произошедшее когда-то, стоят в одном ряду и воспринимаются как синонимы.

В сложном и многомерном пространстве поэзии Вертинского сон очень близок к мечте, а мечтания иногда противоречат действительности: «Все бывает не так, как мечтаешь под лунные звуки» [6] («Дым без огня», 1916). Мечта — это своеобразная «отдушина» в обыденной жизни человека, она может (правда, на время — «на пять минут» [6]) вырвать героя и перенести в иную реальность, полную красок и страстей и лишённую скуки и пошлости («Танцовщица»), но только если он сам этого хочет. Если такого желания нет, мечтать бессмысленно: «Какое мне дело, что все твои пьяные ночи // Холодную душу не могут мечтою согреть» [6] («Убившей любовь», 1939).

Таким образом, художественный мир поэзии А. Вертинского представляет собой очень сложное образование, состоящее из реальности (*вещное*) и сновидений-мечтаний (*иное*). Каждое из этих начал самоценно и играет важную роль в жизни человека. Это две стороны единого целого, что подтверждается общим набором категорий, сопровождающих человека в мире. Жизнь, смерть, счастье, горе, любовь — этот список каждый может продолжить сам. Для Вертинского эти понятия присущи обоим мирам, поэтому герой с лёгкостью переходит из одного в другой, как бы уравнивая происходящее в реальности и в его грезах. Отсюда и возникает ощущение игры, в которой легко соединяются временные и пространственные начала и человек одновременно переживает прошлое, настоящее и будущее.

Вместе с тем, это отнюдь не шахматная партия, где просчитываются ходы и участниками игры движет холодный расчет. В одном из поздних стихотворений

поэт писал: «Я любил и люблю этот бренный и тленный // Равнодушный, уже остывающий мир...» [6] («Я всегда был за тех...», 1952). Именно любовь к человеку и к миру — несовершенным, но Божьим творениям — сделала игру под названием Жизнь столь увлекательной и дорогой А.Н. Вертинского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бабенко В.Г.* Арлекин и Пьеро. Николай Евреинов. Александр Вертинский. Материалы к биографиям. Размышления. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1992. 352 с.
- [2] *Бардадым В.П.* Александр Вертинский без грима. Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1996. 205 с.
- [3] *Бахмач В.И.* Концерт «поющего поэта» как форма «самиздата» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2006. № 1 (96). С. 12–25.
- [4] *Ваксберг А.* Александр Вертинский. Из литературных воспоминаний // Русская мысль. Париж, 2000. № 4304. 10 февраля. С. 3.
- [5] *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною. Мемуары, стихи и песни, рассказы и зарисовки, фотографии. М.: Астрель; АСТ, 2009. 608 с.
- [6] *Вертинский А.Н.* Стихотворения [Электронный ресурс] // Слова. Серебряный век. URL: <http://slova.org.ru/vertinskij/sumasshedshiy/> (дата обращения: 13.09.2017).
- [7] *Горелова О.А.* Александр Вертинский и ироническая поэзия Серебряного века [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук. МПГУ. М., 2005. 187 с. URL: <http://cheloveknauka.com/aleksandr-vertinskiy-i-ironicheskaya-poeziya-serebryanogo-veka> (дата обращения: 13.04.2017).
- [8] *Зиновьева Э.Н.* Синкретизм творчества А.Н. Вертинского и формы его художественной реализации [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновский гос. технич. ун-т. Ульяновск, 2012. 18 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/512320/d#?page=1> (дата обращения: 13.04.2017).
- [9] *Зиновьева Э.Н.* Синкретизм творчества А.Н. Вертинского и формы его художественной реализации: монография. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 173 с.
- [10] *Курилов Д.Н.* Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук. Лит. ин-т им. А.М. Горького. М., 1999. 179 с. URL: <https://sites.google.com/a/bards.ru/kurilovdim/home/dissertacia> (дата обращения: 13.04.2017).
- [11] *Лежнева М.Г.* Межтекстовые связи в поэзии Александра Вертинского: Слово и текст [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук. Лит ин-т им. А.М. Горького. М., 2003. 184 с. URL: <http://cheloveknauka.com/mezhtekstovye-svyazi-v-poezii-a-n-vertinskogo-slovo-i-tekst> (дата обращения: 13.02.2018).
- [12] *Макаров А.С.* Александр Вертинский: портрет на фоне времени. М.: Астрель; Олимп, 2009. 413 с.
- [13] *Плотникова А.А.* К вопросу об исследовании творчества А.Н. Вертинского // Приволжский научный вестник. 2015. № 11 (51). С. 90–94.
- [14] *Рудницкий К.Л.* Любимцы публики. Киев: Мистецтво, 1990. 368 с.
- [15] *Тарлышева Е.А.* Песенная поэзия А. Вертинского как единый художественный мир: Жанровая природа, образная специфика, эволюция [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук. Уссурийский гос. пед. ин-т. Владивосток, 2004. 186 с. URL: <http://cheloveknauka.com/pesennaya-poeziya-a-n-vertinskogo-kak-edinyy-hudozhestvennyy-mir> (дата обращения: 19.02.2018).

© Брызгалова Е.Н., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 января 2018

Дата принятия к печати: 20 февраля 2018

Для цитирования:

Брызгалова Е.Н. Игра как способ изображения мира в поэзии А.Н. Вертинского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 151—158. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-151-158

Сведения об авторе:

Брызгалова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com

THE GAME AS THE WAY OF DEPICTING THE WORLD IN POETRY OF A.N. VERTINSKY

E.N. Bryzgalova

Tver State University
33, Zhelyabova str., Tver, 170100, Russian Federation

The article deals with the representation of the game beginning in the poetry of A.N. Vertinsky. The main attention is paid to the study of space-time relations in verses of different years. The combination of the past, present and future withing a single poem allows you to create an image of the hero, to characterize his personality, to show how his life will develop. Dream and reality in the poet's work form a single world, constantly intersecting in the life and fate of the hero. Occurring and dreaming events are perceived as equivalent.

Key words: poem, A.N. Vertinsky, game, time, space, artistic world

REFERENCES

- [1] Babenko V.G. Arlekin i Pjero. Nikolaj Jevreinov. Alexander Vertinsky. Materialy k biografijam. Razmyshlenija [Harlequin and Pierrot. Nikolay Jevreinov. Alexander Vertinsky. Materials for biographies. Reflections]. Svergl'ovsk: UrGU, 1992. 352 s.
- [2] Bardarym V.P. Alexander Vertinsky bez grima [Alexander Vertinsky without makeup]. Krasnodar: Sov. Kuban, 1996. 205 s.
- [3] Bakhmach V.I. Contcert "pojushchego poeta" kak forma "samizdata" [Concert of "singing poet" as a form of "samizdat"]. Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta im. T.G. Shevchenko. Filologiceskije nauki. 2006. № 1 (96). S. 12—25.
- [4] Vaksberg A. Alexander Vertinsky. Iz literaturnykh vospominanij [Alexander Vertinsky. From literary memories]. Russkaja mysl'. Parizh, 2000. № 4304. 10 fevralja. S. 3.
- [5] Vertinsky A.N. Dorogoj dlinnoju. Memuary, stikhi i pesni, rasskazy i zarisovki, fotografii [Long road. Memoirs, poems and songs, stories and sketches, photos]. M.: Astrel'; AST, 2009. 608 s.
- [6] Vertinsky A.N. Stikhotvorenija [Poems]. Slova. Serebr'anyj vek. Available at: <http://slova.org.ru/vertinskij/sumasshedshiy/>
- [7] Gorelova O.A. Alexander Vertinsky i ironicheakaja poezija Serebrjanogo veka [Alexander Vertinsky and ironic poetry of the Silver age]: diss. ... kand. filol. nauk. MPGU. M., 2005. 187 s. Available at: <http://cheloveknauka.com/aleksandr-vertinskiy-i-ironicheskaya-poeziya-serebryanogo-veka>

- [8] Zinovjeva E.N. Sinkretizm tvorcestva A.N. Vertinskogo I formy ego khudozhestvennoj realizatsii [The syncretism of the work of A.N. Vertinsky and forms of artistic realization]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. UIGTU. Uljanovsk, 2012. 18 s. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/512320/d#?page=1>
- [9] Zinovjeva E.N. Sinkretizm tvorcestva A.N. Vertinskogo I formy ego khudozhestvennoj realizatsii [The syncretism of the work of A.N. Vertinsky and forms of artistic realization]: monografija. Uljanovsk: UIGTU, 2016. 173 s.
- [10] Kurilov D.N. Avtorsraja pesn'a kak zhanr russkoj poezii sovetskoj epokhi [Autor's song as a genre of Russian poetry of the Soviet era]: diss. ... kand. filol. nauk. Lit. institute im. A.M. Gor'kogo. M., 1999. 179 s. Available at: <https://sites.google.com/a/bards.ru/kurilovdim/home/dissertacia/>
- [11] Lezhneva M.G. Mezhtextovye sv'azi v poezii Alexandra Vertinskogo: Slovo i text [Intertextual connections in Alexandr Vertinsky's poetry: Word and text]: diss. ... kand. filol. nauk. Lit. institute im. A.M. Gor'kogo. M., 2003. 184 s. Available at: <http://cheloveknauka.com/mezhtekstovye-svyazi-v-poezii-a-n-vertinskogo-slovo-i-tekst>
- [12] Makarov A.S. Alexander Vertinsky: portret na fone vremeni [Alexander Vertinsky: a portrait against the background of time]. M.: Astrel'; Olimp, 2009. 413 s.
- [13] Plotnikova A.A. K voprosu ob issledovanii tvorcestva A.N. Vertinskogo [To the question about the research work of A.N. Vertinsky]. Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2015. № 11 (51). S. 90—94.
- [14] Rudnitskij K.L. L'ubimtsy publiki [The favorites on the public]. Kiev: Mistetstvo, 1990. 368 s.
- [15] Tarlysheva E.A. Pesennaja poezija A. Vertinskogo kak edinyj khudozhestvennyj mir: Zhanrovaja priroda, obraznaja spetsifika, evol'utsija [A. Vertinsky's song poetry as a single artistic world: Genre nature, figurative specificity, evolution]: diss. ... kand. filol. nauk. Ussurijskij gos. ped. in-t. Vladivostok, 2004. 186 s. Available at: <http://cheloveknauka.com/pesennaya-poeziya-a-n-vertinskogo-kak-edinyj-hudozhestvennyj-mir>

Article history:

Received: 20 January 2018

Revised: 10 February 2018

Accepted: 20 February 2018

For citation:

Bryzgalova E.N. (2018) The game as the way of depicting the world in poetry of A.N. Vertinsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (2), 151—158. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-151-158

Bio Note:

Bryzgalova Elena Nikolaevna, Dr. Phil. Sciences, Professor, head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations of the Tver State University. *Contacts*: e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com